

В последнее время Ян Ян вел себя очень хорошо и не вступал в споры с Баогуо. Их отношения улучшились, поэтому не должно было возникнуть никаких трудностей.

Поговорив с Ван Цинлинь по телефону, Чжу Цинь позвонила старейшине Чжу. "Здравствуй, папа, это я. Я должна рассказать тебе об одной ситуации, пожалуйста, дай знать и брату. Я не знаю, как эти люди выполняют свою работу, но им платит правительство, но они не выполняют свою работу. Если Цинлин пострадает от них, я не дам этому делу покоя".

Ван Цинлинь уже давно говорил об этом проекте. Он был очень амбициозен и уверен в себе. Он считал, что после завершения этого проекта, учитывая его политические достижения, у него будут шансы получить повышение в этом году.

Когда Чжу Цинь вышла замуж за Ван Цинлиня, она фактически выходила замуж на понижение.

В то время семья Ван не была такой обеспеченной, как семья Чжу. Тем не менее, Чжу Цинь понравилась Ван Цинлиню, и она вышла за него замуж, так как он был добр к ней.

Однако Чжу Цинь уже привыкла к тому, что когда у Ван Цинлиня возникали какие-либо проблемы, она всегда обращалась за помощью к семье Чжу. Чжу Цинь не находил в этом ничего плохого.

"Так ли это? Я не очень много знаю о таких вещах. Я расскажу об этом твоему брату. Он примет решение". Дочь редко звонила ему, но старейшина Чжу был недоволен, когда узнал, что это касается его зятя.

На другом конце телефона Чжу Цинь улыбнулся. "Папа, ты шутишь со мной? Нет ничего такого, что мой брат не мог бы уладить".

Старейшина Чжу помассировал лоб. "Это если твой брат захочет. Ты должен знать, какой характер был у твоего брата в последнее время. Я ничего не могу сделать с тем, что ты встал на сторону семьи Ван, и я не могу контролировать поведение твоего брата. Вы оба выросли, а я уже стар. Если что-то случится в будущем, решайте проблему сами. Можешь ли ты дать мне спокойствие и насладиться пенсией?"

Чжу Цинь виновато сказал: "Папа, что с тобой? Для твоего здоровья вредно терять самообладание".

"Что случилось? Цинь-эр, ты умеешь только спрашивать. Почему бы тебе самому не подумать об этом? Когда у Ван Цинлинь будут проблемы, ты будешь звать меня на помощь. Почему бы тебе не позвонить своему брату напрямую? Цинь-эр, ты думаешь, что я от старости стал глупым и неразумным? Думаешь, я не понимаю, что происходит?" Старейшина Чжу был недоволен тем, что ему приходится играть роль посыльного для своей дочери.

Чжу Цинь выглядела неловко. "Папа, у тебя сегодня плохое настроение?" Она всегда звала отца на помощь, и он никогда не отказывал ей. Почему же сегодня отец был так зол?

"Хорошо, я расскажу об этом твоему брату. Но ты не должна слишком многого ожидать". Старейшина Чжу вздохнул. Его дети были долгом в его прошлой жизни. "Ты уже выросла, и твой муж - твой главный приоритет. Я не могу ничего сказать по этому поводу. Твой брат тоже вырос, и я тоже не могу запретить ему делать все, что он хочет. Такова текущая ситуация. Посмотрим, как будет дальше".

Чжу Цинь еще не успела сказать ни слова, а отец уже положил трубку. Она слышала только гудки с другой стороны телефона. "Эй, папа? Алло?! Ты только что бросил трубку?" Пока отец говорил, брат ни за что не отказался бы помочь.

Чжу Цинь положила трубку и уставилась на телефон.

В конце концов, согласился ее отец или нет? Что именно случилось с ее отцом?

Чжу Цинь была в недоумении. Когда вечером Ван Цинлинь вернулся домой и спросил о случившемся, Чжу Цинь рассказала ему, что произошло.

Ван Цинлинь разделся и сел на кровать, погружившись в свои мысли. "Разве отец не просил тебя позвонить брату? Почему бы тебе не позвонить ему и не спросить?" Казалось, что последнее слово все еще оставалось за Чжу Чэнци. Для него уже была зарезервирована сумма денег. Изначально ему не потребуется много времени, чтобы получить деньги, и к тому времени он сможет сделать что-то большое.

Но почему его просьба была отклонена именно сейчас? Может быть, Чжу Чэнци положил этому конец?

"Конечно, но сейчас уже слишком поздно. Может, я позвоню брату завтра?"

"Да, завтра".

Семья Ванг отдыхала. На другой стороне Чжай Яохуэй, который редко бывал дома, позвонил Чжай Шэн. "Здравствуй, Чжай Шэн".

"Папа? Что-то случилось?" Чжай Шэн просматривал какую-то информацию, когда ответил на звонок Чжай Яохуи.

"Я слышал, что ты занимаешься делом Ван Цинлиня. Почему?" Все это время семья Чжай не имела ничего общего с семьей Ван.

"Дедушка когда-то учил меня, что как солдат, мы должны делать практические вещи для страны и народа, и мы никогда не должны прибегать к обману. Поскольку Ван Цинлинь осмелилась разыграть меня, нет ничего плохого в том, что я удерживаю деньги. Я просмотрел счета, и они полны проблем. Я не могу смотреть, как он использует народные деньги и занимается такими нереальными проектами. Наша страна большая, и у нас много талантов. Если Ван Цинлинь не справляется, мы можем дать шанс другим. Мы можем передать эту власть другим. Папа, как ты думаешь, есть ли проблема?"

Когда Чжай Яохуэй впервые услышал об этом, он подумал, что Ван Цинлинь спровоцировал Чжай Шэна. Однако Чжай Шэн оправдывался, приводя веские причины. Он никак не мог ничего сказать.

Как отец Чжай Шэна, Чжай Яохуэй не мог понять, что из слов Чжай Шэна правда, а что нет.

Все, что сказал Чжай Шэн, было лишь оправданием для этого дела.

Чжай Яохуэй снял очки для чтения. "Хорошо, раз ты не хочешь говорить, я не буду тебя заставлять. Но не используй эти оправдания, чтобы отмахнуться от меня. В этом вопросе нет большой проблемы. Вы просто должны знать границы".

Почти все знали, что со счетами Ван Цинлиня были проблемы.

В наше время среди людей, которые работали на благо народа и страны, большинство не были бы правдивы в своих отчетах.

Разница была только в том, как они готовили счета и знали ли они свои пределы.

Ван Цинлинь знал свои пределы. Даже если Чжу Чэнци был его родственником, он не перегибал палку. Поэтому, несмотря на то, что с его счетами было что-то не так, это никого не волновало. В конце концов, они должны были принимать во внимание семью Чжу.

"Конечно. Папа, уже поздно. Тебе нужно поспать". Чжай Шэн не удивился, что Чжай Яохуэй так сказал.

Чжай Яохуэй на мгновение замешкался. "Еще рано..."

Чжай Шэн, который пролистывал какую-то информацию, остановился на месте. В его глазах появился блеск улыбки. "Неужели мама все еще сердится на тебя и хочет, чтобы ты спал в учебной комнате?"

Как только Чжай Шэн сказал это, с другой стороны телефона послышался звук, будто кто-то опрокинул чашку с чаем. "О чем ты говоришь? Я имею в виду, что хочу прочесть некоторые записи. Хорошо, я сейчас же повешу трубку!".

Положив трубку, Чжай Яохуэй неуклюже убрал опрокинутую чашку. Было уже поздно. Он не хотел беспокоить помощников дома, так как они, должно быть, уже легли спать. Он не хотел их будить.

Глядя на опрокинутую чашку, Чжай Яохуэй вздохнул.

Его лицо потемнело, когда он посмотрел на кровать, которую разложил в комнате для занятий. С тех пор как он женился на Мяо Цзин, он не мог вспомнить, когда в последний раз застилал свою постель или складывал одеяло. Он почти не знал, как их складывать.

<http://tl.rulate.ru/book/25671/2082209>